

«Пение красно – чтение свято»:
священный текст, книга и благочестие
в паремийном фольклоре
старообрядцев Новгородской области

Илья А. Мельников

*Новгородский государственный музей-заповедник, Великий Новгород, Россия;
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия, potep_88@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается взаимовлияние письменной и устной традиций старообрядцев-беспоповцев Новгородской области на примере пословиц, бытующих в этой среде в настоящее время. Обосновывается применение к старообрядчеству подхода, рассматривающего его как текстуальное сообщество, выявляется роль интерпретации письменных источников в устной паремийной традиции.

Ключевые слова: текстуальные сообщества, старообрядчество, Новгородская область, паремийный фольклор

Для цитирования: Мельников И.А. «Пение красно – чтение свято»: священный текст, книга и благочестие в паремийном фольклоре старообрядцев Новгородской области // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 2. С. 66–81. DOI: 10.28995/2658-4158-2021-2-66-81

“Singing is beautiful – reading is holy”.
Sacred text, book and godliness in the paremic folklore
of the Old Believers of the Novgorod region

Iliia A. Melnikov

*National Museum Complex, Veliky Novgorod, Russia;
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia; potep_88@mail.ru*

Abstract. The article considers the mutual influence of the written and oral traditions of the Old Believers-Bespovpovtsy of the Novgorod region on the example of proverbs that exist in those communities at the present time. The article substantiates an application of the approach to the Old Believers,

considering it as a textual community, and reveals the role of interpretation of written sources in the oral paremia tradition.

Keywords: textual communities, Old Believers, Novgorod region, paremia in folklore

For citation: Melnikov, I.A. (2021), “Singing is beautiful – reading is holy”. Sacred text, book and godliness in the paremic folklore of the Old Believers of the Novgorod region”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 66–81, DOI: 10.28995/2658-4158-2021-2-66-81

Одной из особенностей старообрядчества является сложное взаимодействие письменной и устной практик трансляции религиозной традиции. При рассмотрении этого феномена нам представляется продуктивным применение к староверию концепции «текстуального сообщества», разработанной Б. Стоком. Впервые она была использована при рассмотрении старообрядческой культуры американским исследователем Робертом Крамми [Crummey 1993, p. 707–712]. Хотя его интерпретация идей Б. Стока справедливо подвергается критике в ряде современных отечественных работ, посвященных культуре русских религиозных диссидентов, сама возможность применения к ним концепции «текстуальных сообществ» по-прежнему не оспаривается [Львов 2011, с. 57–62; Данилко 2015, с. 20–21]. Действительно, при ближайшем рассмотрении старообрядческой культуры разных регионов мы видим существенное влияние религиозных текстов на повседневные практики и фольклор староверов. Это сближает старообрядчество с «текстуальным сообществом» в понимании Б. Стока. Доминирующую роль в таком сообществе играет книга либо комплекс представлений о ней, при этом основу трансляции культуры составляет устная коммуникация, что сближает его с дописьменными сообществами, в которых коммуникация осуществляется, помимо устной передачи информации, посредством системы ритуальных практик [Stock 1983, p. 14–15].

В связи с этим особенный интерес представляет исследование старообрядческого паремийного фольклора как наиболее связанного с повседневностью. Важными функциями, присущими почти всем видам паремий, являются моделирующая и поучительная. По замечанию Г.Л. Пермякова, суть моделирующей функции (наиболее характерной как раз для пословиц) заключается в том, что паремия дает словесную модель той или иной жизненной ситуации, причем происходить это может и опосредованно, через текст, который в ней цитируется. Не менее важная поучительная функция сводится к обучению важным вещам, будь то картина мира или правила поведения [Пермяков 1988, с. 88]. Таким образом,

паремийный фольклор способен демонстрировать непосредственную актуализацию «священных текстов» в ходе коммуникации представителей текстуальных сообществ. В предпринятом исследовании мы попытались выявить взаимосвязь устной и письменной религиозной традиции, базирующейся на текстах либо кодифицированных культовых практиках (церковных обрядах) и народных представлениях, имеющих безусловный авторитет в старообрядческой среде. Непосредственным материалом для исследования послужили пословицы религиозного содержания, бытующие среди староверов поморского и белокриницкого согласий Новгородской области, а также источники (прежде всего делопроизводственные), позволяющие выявить круг текстов, которые могли являться основой интерпретации в среде широких слоев старообрядческого населения данного региона.

Существенная трудность в выявлении особенностей конфессиональной стороны паремийного фольклора заключается в том, что большинство зафиксированных нами пословиц не являются специфически старообрядческими. Их относительная популярность именно в среде староверов объясняется религиозным контекстом, наиболее в ней востребованным. Значительная часть старообрядческих пословиц носит дидактический характер и связана с моральным либо обрядовым нормированием жизни старовера. Другая часть выражает устойчивые народные представления о «большой» и «малой» эсхатологии, и лишь некоторые посвящены специфическим особенностям вероучения староверов-беспоповцев, составляющих подавляющее большинство старообрядческого населения Новгородской области.

В основе религиозных пословиц зачастую лежат тексты Св. Писания, что отмечалось еще И.М. Снегиревым¹. Некоторые библейские книги сами по себе носят характер сборников изречений (Книга Притчей Соломоновых, Экклезиаст и т. д.). Таким образом, комплекс пословиц, являющихся устной интерпретацией библейских высказываний, непосредственно примыкает к «народной Библии», жанрово дополняя нарративные фольклорные источники². С другой стороны, их непосредственная соотнесенность

¹ См.: *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1995. С. XX.

² Под «народной Библией», как правило, в настоящее время подразумевается комплекс «околобиблейских» апокрифических нарративов либо пересказов сюжетов Св. Писания в народной среде. См.: «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды. М., 2004. С. 7–23, а также: [Белова 2002, с. 362–374; Рычкова 2014, с. 167–169; Мельникова б/г].

с практиками повседневности, наряду с библейскими легендами, объясняющими и мотивирующими различные обрядово-бытовые предписания, как мы полагаем, является одним из вариантов «выхода в реальность» фольклорного текста³.

Кроме Библии старообрядческий паремийный фольклор в качестве источников имеет более широкий круг религиозных письменных памятников: литургические тексты, поучительную и даже полемическую литературу, которая попадала в область устной трансляции благодаря богослужбным и миссионерским практикам грамотных представителей старой веры. Обязательное чтение вслух литургических произведений и «поучений» во время церковной службы, а также обучение грамоте, отмеченные в исследовательской литературе [Стумпеу 1993, р. 702], были вовсе не единственной формой устной трансляции книжного текста. Немаловажной практикой в этом ряду были публичные диспуты и миссионерская деятельность старообрядческих «книжников», в ходе которой письменное слово могло получать также наглядную визуализацию. В частности в начале XIX в. повсеместно в Новгородской губернии старообрядческие начетчики применяли «при собрании людей лицевые, ужасными ругательствами на церковь и ее служителей исполненные книги» (РГИА. 1817. Л. 19). Эта же практика использования лицевых рукописей при трансляции полемических воззрений на широкую аудиторию сохранялась и в дальнейшем, как было, например, при публичных диспутах в с. Бор Новгородского уезда в 1870-х гг., на которых, помимо чтения вслух полемических книг, староверы прибегали к демонстрации «позорных <...> картин в так называемом Семитолковом апокалипсисе» (ГАНУ. 1873. Л. 6). Наконец, старообрядцы во множестве хранили в домах рукописные и печатные издания, обобщенный круг которых описан в высказывании чиновника по особым поручениям, обследовавшего состояние «раскола» в Новгородской губернии в середине XIX в.: «Псалтыри, Апокалипсисы, Читии Минеи, Сочинения Ефрема Сирина, скитское покаяние и цветники разных родов» (РГИА. 1853. Л. 45 – 45 об.).

Пословицы, восходящие к библейским текстам, выявить относительно легко. Это видно на примере зафиксированных нами устойчивых высказываний, носящих дидактический характер и являющихся парафразами известных отрывков Св. Писания: «Грешно не то, что в рот, а то, что изо рта» (С-а М.Ф.; ср.: Мф. 15:11), «Чтоб правая не знала, что левая давала (о милостыне)» (М-а Л.А.; ср.: Мф. 6:3), «Юность пройдет – что цвет отцветет» (С-а М.Ф.; ср.: Пс. 102:15, 16).

³ «Народная Библия»... С. 13.

Гораздо сложнее дело обстоит с опосредованным влиянием письменных христианских текстов. Это влияние, на наш взгляд, проявилось в культивировании с помощью паремий таких добродетелей, поощряемых в многочисленной аскетической литературе, как терпение: «Терпение – без труда спасение» (М-а Л.А.); молитва: «Молитва молодого – серебро да золото, а старого – медь, да и той нет» (С-а М.Ф.), «Матерняя молитва достанет со дна морского» (М-а Л.А.); памятование смерти и загробного воздаяния: «Без смерти не помрем и от смерти не уйдем» (С-а М.С.), «Бог терпит до конца, да будет мучить без конца» (М-а Л.А.).

Особо следует сказать о пословицах, являющихся обобщением небольшого нарративного источника – рассказа-былички и примыкающего к нему [Потебня 1976, с. 512]. В данном случае в качестве непосредственного источника пословицы мы будем рассматривать фольклорный нарратив, сохраняющий отдаленную связь с письменным текстом. В частности, в одной из быличек рассказывается о старце-отшельнике, которого «греховодник», то есть дьявол, пытался отвлечь от духовного подвига – непрестанной Иисусовой молитвы, надеясь, что пустынный перестанет творить ее в неподобающем «скверном» отхожем месте. Однако щекотливая ситуация не смутила подвижника, и он, даже там продолжая «умную молитву», заключил ее словами: «Тебе, Боже, моя молитва, а тебе, греховодник, мой отход!» (Д-а П.И.). Данная быличка имеет связь с многочисленными аскетическими творениями отцов церкви, в частности сходные наставления о непрестанной Иисусовой молитве имеются в «Цветнике священноинока Дорофея», пользовавшемся особенной популярностью среди староверов благодаря его аскетической и эсхатологической составляющей⁴. Поучение о непрестанной молитве звучит там следующим образом: «на всяком месте, во всяком деле, на всякое время <...> даже и в нужных местех и делех да понужается и поучается ум твой сокровенно в молитве твоей...» (Цветник 1790, л. 248 об.). Другая паремия поучает, что девство и пост сами по себе не являются добродетелями: «Жила девица, всё Богу молилась, а злоба сердечна – в муку, да в вечну!» (Д-а П.И.). В общих чертах она выражает мысль, высказанную в Послании апостола Павла к Коринфянам (1 Кор. 13:2): «если имею всякое познание и всю веру, <...> а не имею любви, – то я ничто».

Отдельный пласт зафиксированных нами пословиц отражает богослужебную традицию новгородских старообрядцев. Объек-

⁴ «Цветник священноинока Дорофея» выдержал несколько старообрядческих изданий в XVIII – начале XIX в. [Вознесенский 1996, с. 149–152]. О влиянии этого источника на обрядово-бытовые практики тихвинских карел-старообрядцев см. [Фишман 2003, с. 87, 206, 212–213].

том интерпретации в данном случае является не сам священный текст, но система практик, имеющая непосредственное письменное обоснование, в частности элементы культа и церковной обрядности, зафиксированные в богослужебном уставе. К таковым можно отнести пословицу «Пение красно – чтение свято» (М-а Л.А.), обосновывающую отправление «необходимого минимума» богослужения без пения в отсутствии певчих. При этом необходимость сверяться с книгой во время отправления службы фиксируется в пословице «На память только петухи поют» (М-а Л.А.). Впрочем, далеко не всем богослужебным традициям можно найти объяснение в уставе, однако поговорки могут фиксировать в том числе и нормы, рожденные непосредственной практикой совершения обряда. В частности, пословица «Святое крещение не простывает» (Ш-ва О.В.) отражает распространенный запрет на подогревание воды, предназначенной для крещения, и призвано устранить обычную обеспокоенность родственников тем, что окрещенный в холодной воде ребенок может заболеть.

На примере некоторых пословиц, связанных с культовыми практиками, мы видим появление дополнительных интерпретативных слоев, породивших в старообрядческой среде те или иные религиозно-бытовые представления. Например, запрет на поминальные службы во время Светлой седмицы, вероятно, является одной из возможных причин, приведших к возникновению представления о неблагоприятных последствиях для человека, умершего на Страстной неделе, особенно накануне Пасхи в Великую пятницу. В одной из зафиксированных нами пословиц это выражено словами: «Кто на страстной помрет, тот все страсти увидит» (Д-а П.И.). Впрочем, само название «страстная», «страшная» неделя также могло способствовать возникновению как самого представления, так и его паремийной репрезентации. Исключительность формы обращения на «ты», которая в глазах верующих освящена письменной церковно-славянской традицией, акцентируется поверьем о том, что обращение на «вы» греховно и относится одновременно к человеку и стоящему за его плечами бесу: «Читаем же мы, вот, молитвы... Там к Богу все на “ты”!» (М-а Л.А.); «Когда говоришь “вы”, вот, к кому ты обращаешься? Ага! Вот, за спиной-то который-то рогатик...» (М-о З.А.). Это представление фиксируется в пословице «Вы – беси, Ты – Бог!» (М-о З.А.).

На границе взаимовлияния письменной и устной традиции стоят такие пословицы, которые, не являясь трансляцией кодифицированных норм и правил, тем не менее прямо или косвенно апеллируют к разного рода письменным источникам для придания им дополнительной авторитетности. Зачастую речь идет не о действительно существующих, но «воображаемых» книгах

[Мельникова 2011, с. 117–146] – комплексе представлений о Библии либо неких «священных писаниях». В частности, пословица «Кто пьет чай – тот Царства не начай» (М-а Л.А.) передает действовавший долгое время в среде староверов запрет на употребление чая. В большинстве случаев этот запрет обосновывается распространенной среди старообрядцев различных регионов апокрифической легендой о греховности чая, не пожелавшего поклониться Христу, когда он ходил по земле [Воскресенская 2008, с. 121–122, 149; Традиционный фольклор 2008, с. 208–209]. Сама легенда, содержащая дополнительную интерпретацию евангельских событий, является частью корпуса нарративов, относящихся к «народной Библии» и напрямую отсылающих к авторитету Св. Писания и его персонажей, а пословица является непосредственным выражением этого запрета.

Любопытным примером проникновения народных религиозных представлений в письменную традицию является ряд предписаний, настойчиво говорящих о необходимости поминовения усопших «родителей»⁵. Похоронно-поминальная обрядность является одной из самых сохранных в новгородском регионе. Связанные с ней пословицы в разных вариантах напоминают о необходимости раздачи милостыни по умершим: «По родителям идешь подавать – следы золотые», «Мертвые хоть у ворот не стоят, а свое возьмут» (М-а Л.А.)⁶. Последнее из приведенных высказываний связано с распространенным народным представлением о том, что долго не поминаемые «родители» могут просить Бога «забрать» к себе кого-либо из младших членов семьи либо прячут детей и скотину в лесу «со злости», что их долго не поминают. Подобные представления тесно связаны с нарративами о «худом следе», «сбранёных» и «проклёнутых» детях и животных [Панченко 2012, с. 153–155].

В связи с этим стоит упомянуть любопытный источник, имевший широкое хождение среди старообрядцев Великого Новгорода еще в начале XXI в. и, вероятно, представляющий список с более раннего народного произведения. Он носит название «Родители ждут святые милостыни» [«Родители...»], речь в нем ведется от имени умерших родственников, которые просят живых: «...если вы не найдете ученого человека в своем роде, знающего святое писание, то поищите во граде или идите в другую страну. *Аз весь след твой напишу златом* (Курсив мой. – И. М.) и грехи отпущу, если

⁵ О категориях «родители», «мертвяки» и «заложные» в народном культе мертвых см. [Зеленин 1996, с. 39–40; Панченко 2012, с. 143–156].

⁶ Ср. «Родитель у ворот не стоит, а свое возьмет» приводится в [Воскресенская 2008, с. 61]; «Покойник, говорят, у стола не стоит, а свое берет» [Панченко 2012, с. 154].

будеши о святом писании изыскovati и старать о душе своей, еще и о родителях своих...». Помимо обещаний воздаяния за милостыню, носящих в том числе вполне материальный характер («Господи, воздаждь им продолжение лет и всякого изобилия. И наполни, Господи, дома их в семь раз и во сто раз...»), текст изобилует и угрозами в адрес нерадивых родственников. В частности, непоминаемые «родители, которые грешныи, лежат в темницах за свои грехи <...> вниз лицом», просят у Бога казней для живых: «Если они имеют поля с хлебом, то градом побей, а если скот имеют, то мором умори, а если дом имеют, то огнем сожги, а если торговлю имеют, то имение уברי от них». Но наиболее интересны упоминания возможного заимствования милостыни у более «обеспеченных» ею соседей по загробному миру, а также просьба умерших: «Господи, Господи, возьми у нашего сродника любимого и прелюбимого детища, они его сожалеют и о нем милостыню сотворят, и нам малая отрада будет». Все угрозы, указанные в сочинении, резюмируются словами: «Воистину братие и вси православные христиане, не в вере живущие, мертвые хотя у ворот не стоят, а свое возьмут (Курсив мой. – И. М.)».

Данные представления, имеющие фольклорное происхождение, уместнее всего объяснить пониманием милостыни и поминовения покойных как формы символического обмена благами с загробным миром [Мосс 2011, с. 155–164; Грузнова 2013, с. 138–139]. Вместе с тем текст содержит переосмысление церковной обрядности, связанной с поминовением усопших. Характер текста сближает его со «святыми письмами», получившими широкое хождение в крестьянской и городской среде в XX в. Согласно типологии, предложенной А.А. Панченко, его можно отнести к первой разновидности подобного рода памятников, имеющих назидательное значение, но предусматривающих тип коммуникации, при котором менее всего присутствует магическая составляющая [Панченко 2002, с. 350–351]. Таким образом, мы видим памятник письменного фольклора, тесно соприкасающегося с устной старообрядческой паремийной традицией. Вероятно, данный текст был призван дополнительно легитимировать в глазах верующих соответствующие архаичные представления о жертве загробному миру, получившие выражение и в зафиксированных паремиях. Также стоит отметить, что один из выявленных нами в Ленинградской области списков этого сочинения середины XX в. озаглавлен следующим образом: «Слово из книги Марагды глава 1 слово 93 сиречь о забывших род грешных» («Слово...»; рис. 1). Текст этого «святого письма», таким образом, отсылает к авторитету некой несуществующей книги.

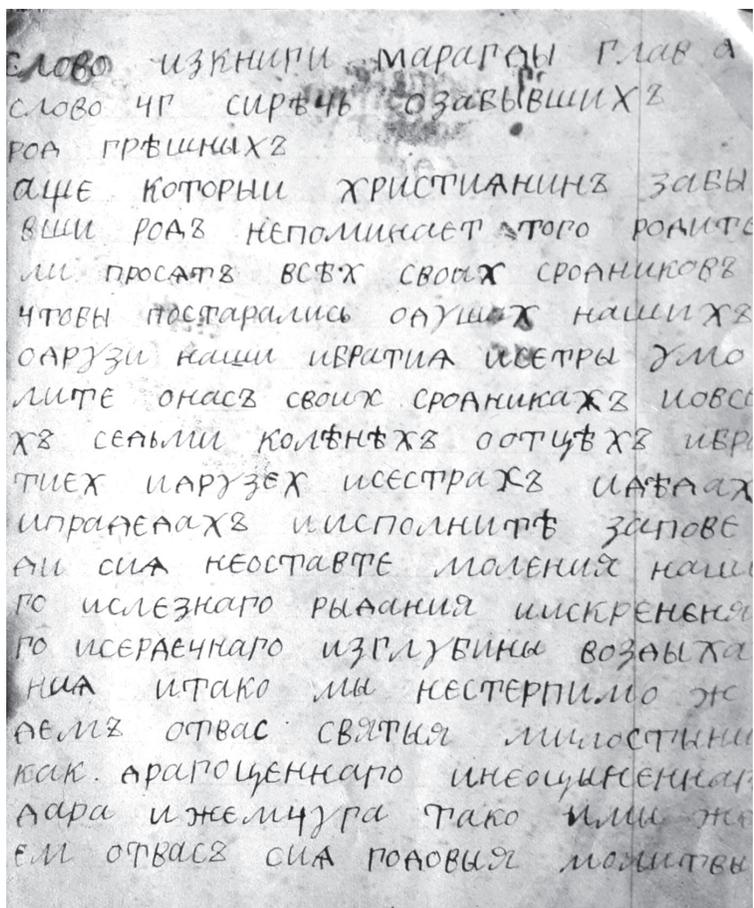

Рис. 1. «Слово из книги Марагды глав<а> 1 слово 93 сиречь о забывших род грешных», рукопись середины XX в. Санкт-Петербург, 2014 г. Полевые материалы автора

Среди письменных источников, имеющих фольклорно-паремийный характер и бытовавших в среде новгородских староверов, мы можем выделить анонимное сочинение «19 пунктов выписаны из книги» (Сборник Тиханова, с. 189; рис. 2), встреченное нами в одном из старообрядческих рукописных сборников второй половины XX в. и происходящее из старообрядческой деревни Добрости Крестецкого района. Для него также характерна отсылка к книжному авторитету. Произведение носит сатирический характер и, как ясно из названия, состоит из 19 коротких изречений, отражающих мироощущение

СЧЕТ		19 ^{тб} ПУНКТОВЪЗ				КРЕДИТ		
Месцъ и часо	№ статьи книги гравных счетов	Выписаны изъ книгъ		количество	сумма	количество	цена	сумма
		Предусмотрено по плану		x	y			
	1	Послѣднѣе время сбывается						
	2	Честь изъ свѣта нехана						
	3	Грѣхъ умѣръ						
	4	Правда сгорела						
	5	Благодать на небо възшла						
	6	Братолюбие сердечное спраталось						
	7	Искренность спать пошла						
	8	Справѣливость не сыщеть дороги.						
	9	Благоделинне в горести сидитъ						
	10	Родительское почитение вѣчно погивло						
	11	Беспокойность во всемъ мирѣ существуетъ						
	12	Помощника дома нетъ						
	13	Любовь больна лежитъ						
	14	Милосердие подъ арѣстомъ сидитъ						
	15	Вѣра положена почти подспудомъ						
	16	Вожествовнная теплота давно истревлена						
	17	Кредитъ вземѣры дурчител.						
	18	Совѣсть на рвоздике виситъ						
	19	На нонишное время и житие народъ						
		Человѣческій						
		15/III 67 ^г см. см.						

Рис. 2. «19 пунктов выписаны из книги». Рукопись 1967 г. Книжница Новгородской старообрядческой поморской общины, б/н

старообрядцев, подвергавшихся гонениям со стороны властей. Наиболее емкие выражения носят характер устойчивых формулировок: «Последнее время сбывается», «Правда сгорела», «Благодать на небо възшла», что позволяет судить об их возможном устном происхождении. В этих изречениях выражены взгляды староверов-беспоповцев, связанные с представлениями о «последних временах», отступлении священства официальной церкви от христианской веры и о существовании в нынешнее время лишь невидимой «небесной иерархии» («Благодать на небо възшла»).

Большинство приведенных нами пословиц касалось внутренних практик старообрядческой общины. Однако староверческое сообщество Новгородской области не представляло монолитного единства. Большинство составляли представители федосеевского согласия, брачные поморцы появляются здесь самое позднее в первой половине XIX в. Также проживали в Новгородской губернии представители филипповского и страннического направлений, в небольшом количестве были представлены беглопоповцы и белокриницкие («*московская вера*») [Федорук 2007; Мельников 2015]. В настоящее время большинство общин перешли в брачное поморское согласие. Дискуссии, некогда кипевшие в старообрядчестве, нашли отражение в соответствующих пословицах, маркирующих представителей иноконфессиональных групп – федосеевцев. Основным идентификатором в них выступает отношение к браку, в частности, представители поморского согласия следующим образом характеризуют своих безбрачных оппонентов: «Два брака – не блуд, а на третий – вышел вон» (М-а Л.А.), «Зачем брак – нарожаем и так» (Б-а Н.А.). Стоит отметить, что эти пословицы в настоящее время известны лишь грамотным в религиозном отношении старообрядцам, имеющим представление о четкой самоидентификации и расхожих полемических приемах, в которых представители федосеевского согласия отводилась роль далеко не самых примерных хранителей семейных ценностей.

Отдельно следует упомянуть, в каких ситуациях озвучиваются все вышеприведенные паремии. Как правило, они сопровождают некий поучительный нарратив, адресованный слушателям и посвященный вопросам бытового и обрядового благочестия. В ряде случаев паремии актуализируются во время проведения богослужений (особенно если они касаются некоторых уставных вопросов). Наконец, ряд паремий тесно связан с воспоминаниями о старших родственниках и благочестивых староверах прошлого. Пословицы зачастую передаются с их слов, тем самым приобретая с точки зрения рассказчика большую значимость и обоснованность.

Таким образом, в устной паремийной традиции новгородских старообрядцев прослеживается прямое и опосредованное влияние письменных текстов, а также намечается тенденция к обоснованию тех или иных народно-религиозных представлений путем отсылки их к авторитету существующих либо воображаемых писаний. Характер взаимовлияния письменных и устных элементов культуры староверия позволяет говорить о старообрядчестве как о текстуальном сообществе. В случае влияния текста на устную традицию дополнительным элементом, опосредующим соприкосновение текста и паремийной фольклорной единицы, могут

являться апокрифические нарративы и былички, дополняющие, поясняющие и легитимирующие нормы, в сжатой форме представленные в пословице. При этом подавляющее большинство приведенных пословиц носит характер нормирования (запретов, предписаний или поощрений).

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Новгородской области в рамках научного проекта № 18-49-530002 «Народное христианство в социокультурном пространстве Новгородской земли XX–XXI вв.: исследование динамики феномена на материале архивных и новейших материалов фольклорно-этнографических экспедиций».

Acknowledgements

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the administration of the Novgorod region in the framework of the scientific project no. 18-49-530002 “Popular Christianity in the socio-cultural space of the Novgorod land of the 20th – 21st centuries: study of the dynamics of the phenomenon on the material of archival and newest materials of folklore and ethnographic expeditions”.

Информанты

- Б-а Н.А. – со слов Б-й Н.А. (1984 г. р., род. в Великом Новгороде). Запись в г. Великий Новгород, октябрь 2010 г. (И.А. Мельников) // ПМА.
- Д-а П.И. – со слов Д-й П.И. (1934 г. р., род. в д. Тухоля Крестецкого р-на). Запись в г. Великий Новгород (И.А. Мельников) // Архив УНЛ этнологии и истории культуры НовГУ, апрель 2011 г.
- М-ва Л.А. – со слов М-й Л.А. (1928 г. р., род. в д. Дорожно Новгородского р-на). Запись в г. Великий Новгород (И.А. Мельников) // Архив УНЛ этнологии и истории культуры НовГУ, сентябрь 2008 г.
- М-о З.А. – Со слов М-о З.А. (1929 г. р., род. в с. Бурга Маловишерского р-на). Запись в с. Бурга Маловишерского р-на (И.А. Мельников) // Материалы ЭКЭ НовГУ в Маловишерский р-н Новгородской обл., июль 2010 г.
- С-а М.С. – со слов С-й М.С. (1929 г. р., род. в д. Лубино Солецкого р-на). Запись в г. Великий Новгород (И.А. Мельников) // Архив УНЛ этнологии и истории культуры НовГУ, сентябрь 2008 г.
- С-а М.Ф. – со слов С-й М.Ф. (1925 г. р., род. в д. Прудиши Крестецкого р-на). Запись в г. Окуловка (И.А. Мельников) // Материалы ЭКЭ НовГУ в Окуловский р-н Новгородской обл., июль 2012 г.
- Ш-ва О.В. – со слов Ш-й О.В. (1963 г. р., род. в д. Алешонка Демянского р-на). Запись в д. Алешонка (И.А. Мельников) // Материалы ЭКЭ НовГУ в Демянский р-н Новгородской обл., июль 2018 г.

Источники

- ГАНО 1873 – ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3335.
 РГИА 1817 – РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800. 1817. Л. 19 об.
 РГИА 1853 – РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. 1853. Л. 45 – 45 об.
 «Родители...» – «Родители ждут святых милостыни», ксерокопия нач. XXI в. // ПМА, Великий Новгород, 2008 г.
 «Слово...» – «Слово из книги Марагды глав<a> 1 слово 93 сиречь о забывших род грешных», рукопись сер. XX в. // ПМА, Санкт-Петербург, 2014 г.
 «Сборник Тиханова» – Сборник церковных поучений и молитв Н.Т. Тиханова, рукопись 1967 г. // Книжница Новгородской старообрядческой поморской общины, б/н. С. 189.
 Цветник 1790 – Цветник священноинока Дорорея. Гродно, 1790. 484 л.

Литература

- Белова 2002 – *Белова О.В.* «Народная Библия»: к проблеме взаимодействия устной и книжно-письменной традиции // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Международный съезд славистов, Люблина, август 2003 г. М., 2002. С. 362–374.
 Вознесенский 1996 – *Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века. СПб., 1996. 160 с.
 Воскресенская 2008 – *Воскресенская Т.А.* Новгородские старообрядцы-беспоповцы во второй половине XIX – начале XX века: Мировоззрение. Быт. Культура. Великий Новгород, 2008. 164 с.
 Грузнова 2013 – *Грузнова Е.Б.* На распутье средневековья: языческие традиции в русском простонародном быту (конец XV–XVI вв.). СПб., 2013. 303 с.
 Данилко 2015 – *Данилко Е.С.* «Старая вера» по-чувашски: книжная традиция и повседневные практики одной старообрядческой общины // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 19–32.
 Зеленин 1996 – *Зеленин Д.К.* Избранные труды: Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. СПб., 1996. 431 с.
 Львов 2011 – *Львов А.Л.* Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстовальное сообщество. СПб., 2011. 328 с.
 Мельникова б/г – *Мельникова Е.А.* Современные устные рассказы о Библии в Новгородской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/melnikova2.htm> (дата обращения 11.03.2021).
 Мельникова 2011 – *Мельникова Е.А.* «Воображаемая книга»: очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб., 2011. 184 с.
 Мельников 2015 – *Мельников И.А.* Духовные центры Новгородского старообрядчества первой половины – середины XIX в. // Вестник Новгородского университета. 2015. № 90. С. 98–100.
 Мосс 2011 – *Мосс М.* Опыт о даре // Общество. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 2011. С. 134–285.
 Панченко 2002 – *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. 544 с.

- Панченко 2012 – *Панченко А.А.* Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М., 2012. 448 с.
- Пермяков 1988 – *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремииологии. М., 1988. 235 с.
- Потебня 1976 – *Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 454–558.
- Рычкова 2014 – *Рычкова Е.В.* Библиейские легенды в фольклоре старообрядцев Южного Зауралья // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). С. 167–169.
- Традиционный фольклор 2008 – Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семейских) в современном бытовании (по материалам полевых исследований конца XX – начала XXI в.). Улан-Удэ, 2008. 315 с.
- Федорук 2007 – *Федорук Н.С.* Старообрядцы Новгородской губернии в XIX в. // Новгородика–2006: Материалы научной конференции 20–22 сентября 2006 г. Великий Новгород, 2007. Ч. 2. С. 195–210.
- Фишман 2003 – *Фишман О.М.* Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003. 408 с.
- Crummey 1993 – *Crummey R.O.* Old Belief as Popular Religion: New Approaches // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. No. 4 (winter). P. 700–712.
- Stock 1983 – *Stock B.* The Implications of Literacy. Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton, 1983. 604 p.

References

- Belova, O.V. (2002), “‘The People’s Bible’. On the issue of Interaction between oral and book-written traditions”, in *Literatura, kultura i folklor slavjanskih narodov. XIII Mezhdunarodnyj s’ezd slavistov, Lyublyana, avgust 2003 g.* [Literature, culture and folklore of the Slavic peoples. 13th International Congress of Slavists, Ljubljana, August 2003], Moscow, Russia, pp. 362–374.
- Crummey, R.O. (1993), “Old Belief as popular religion. New approaches”, *Slavic Review*, vol. 52, no. 4 (winter), pp. 700–712.
- Danilko, E.S. (2015), “Chuvash ‘Old Faith’ in Chuvash. The book tradition and everyday practices of the Old Believer community”, *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 19–32.
- Gruznova, E.B. (2013), *Na rasputie srednevekovya: yazycheskie tradicii v ruskom prostonarodnom bytu (konec XV – XVI vv.)* [At the Crossroads of the Middle Ages: Pagan Traditions in Russian Common Life (late 15th – 16th centuries)], St. Petersburg, Russia.
- Lvov, A.L. (2011), *Soha i Pyatiknizhie: russkie iudejstvuyushchie kak tekstualnoe staroobshchestvo* [Plow and the Pentateuch: Russian Judaizers as a Textual Community], Saint Petersburg, Russia.
- Melnikova, E.A. (without a year), *Sovremennye ustnye rasskazy o Biblii v Novgorodskoj oblasti* [The nowadays oral stories about the Bible in the Novgorod region] [Online], available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/melnikova2.htm> (Accessed 11 Mar.2021).

- Melnikova, E.A. (2011), «*Voobrazhaemaya kniga*»: ocherki po istorii folkloro o knigah i chtenii v Rossii ["An Imaginary Book": Essays on the history of folklore about books and reading in Russia], Saint Petersburg, Russia.
- Melnikov, I.A. (2015), "Spiritual centers of the Novgorod Old Believers of the first half – middle of the 19th century", *Vestnik Novgorodskogo universiteta*, no. 90, pp. 98–100.
- Moss, M. (2011), "Essay about a gift", in *Obshchestvo. Obmen. Lichnost'. Trudy po social'noj antropologii* [Society. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology], Moscow, Russia, pp. 134–285.
- Panchenko, A.A. (2002), *Hristovshchina i skopchestvo: folklor i tradicionnaya kultura russkikh misticheskikh sekt* [Christism (Christovshchina – a trend in the Bespopovtsy Old Belief) and castratingism. Folklore and traditional culture of Russian mystical sects], Moscow, Russia.
- Panchenko, A.A. (2012), *Ivan i Yakov – neobychnye svyatye iz bolotistoj mestnosti: «Krest'yanskaya agiologiya» i religioznye praktiki v Rossii Novogo vremeni* [Ivan and Yakov – unusual saints from the marshland. "Peasant agiology" and religious practices in New time Russia], Moscow, Russia.
- Permyakov, G.L. (1988), *Osnovy strukturnoj paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology], Moscow, Russia.
- Potebnya, A.A. (1976), "From lectures on the theory of literature", in Potebnya, A.A., *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics], Moscow, Russia.
- Rychkova, E.V. (2014), "Biblical legends in the folklore of the Old Believers of the Southern Trans-Urals", *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 34, no. 4, pp. 167–169.
- Tradicionnyj folklor staroobryadcev Buryatii (semejskikh) v sovremennom bytovanii (po materialam polevykh issledovaniy konca XX – nachala XXI v.)* [Traditional folklore of the Old Believers of Buryatia (Semeyskie) in modern life (based on the materials of field studies of the late 20th – early 21st centuries)], Ulan-Ude, Russia.
- Fedoruk, N.S. (2006), "Old Believers of the Novgorod province in the 19th century", in *Novgorodika–2006. Materialy nauchnoj konferencii 20–22 sentyabrya 2006 g* [Novgorodika – 2006: Proceedings of the scientific conference on September 20–22, 2006], Velikii Novgorod, Russia, ch. 2, pp. 195–210.
- Fishman, O.M. (2003), *Zhizn' po vere: tihvinskie karely-staroobryadcy* [Life up to Faith: Tikhvin Karelians-Old Believers], Moscow, Russia.
- Stock, B. (1983), *The implications of literacy. Written language and models of interpretation in the 11th and 12th centuries*, Princeton, USA.
- Voznesenskii, A.V. (1996), *Staroobryadcheskie izdaniya XVIII – nachala XIX veka* [Old Believer publications of the 18th – early 19th century], Saint Petersburg, Russia.
- Voskresenskaya, T.A. (2008), *Novgorodskie staroobryadcy-bespopovtsy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: Mirovozzrenie. Byt. Kultura* [Novgorod's Old Believers-Bespopovtsy in the second half of the 19th – early 20th century: Worldview. Mode of life. Culture], Velikii Novgorod, Russia.
- Zelenin, D.K. (1996), *Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoj smertyu i rusalki* [Selected works. Essays on Russian mythology. Unnatural deaths and mermaids], Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Илья А. Мельников, кандидат культурологии, Новгородский государственный музей-заповедник, Великий Новгород, Россия; 173000, Россия, Великий Новгород, Новгородский кремль, д. 8; potep_88@mail.ru

Information about the author

Iliia A. Melnikov, Cand. of Sci. (Cultural Studies), National Museum Complex in Velikii Novgorod, Velikii Novgorod, Russia; bld. 8, Novgorodskii Kreml, Veliky Novgorod, 173000, Russia; potep_88@mail.ru